

«БОРОТЬСЯ С ТРУДНОСТЯМИ ПО МЕРЕ ИХ ПОСТУПЛЕНИЯ»

— Итак, Владимир Владимирович, вы стали председателем правления ЛО СК. Не скрою от вас, для меня это было большой неожиданностью.

— Для меня тоже. Так же, как, вероятно, и вы, я не считал, что моя кандидатура наилучшая из всех возможных.

— За кого бы проголосовали вы?

— Поскольку Клепиков категорически отказался баллотироваться — за Германа. Учитывая его авторитет и известность. Тогда, на собрании, я об этом говорил.

— Выходит, что ваша программа прозвучала убедительнее, чем самоотвод.

— Да, наверное, нужно было отказаться похотнее, но, честно говоря, мне показалось, что Герман не должен оставаться единственным кандидатом. Учитывая настроение собравшихся, — кандидатура Сокурова появилась уже после моей. Вот так это произошло...

— Вас это огорчило?

— Меня это ошеломило. Это поставило передо мной задачи, над которыми раньше я просто не задумывался.

— Как вы думаете, почему вы оказались так популярны среди членов союза? Сыграла ли какую-нибудь роль ваша недолгая, но активная деятель-

ность в качестве председателя профкома студии?

— Не думаю, что я так уж популярен. Наверное, здесь сработал чистый случай. Дело в том, что отсутствие на собраниях Германа и отсутствие опыта в ведении собрания у моих коллег заставили меня выйти на трибуну. А потом уже, услышав, что я умею кричать громче всех, зал оставил меня, только и всего. Вероятно, на основании этого людям показалось, что я смогу руководить союзом.

— А что вы считаете по этому поводу?

— Я считаю, что мы живем совсем не так, как могли бы, что мы живем вопреки уставу союза и здравому смыслу. Это положение стоило бы изменить, и если я могу чем-то помочь, — я должен это сделать.

— Чем вы собираетесь помогать союзу в ближайшее время?

— Вопрос чрезвычайно сложный. Но очевидно, что главное — это дать кинематографистам возможность нормально работать, пресекая все поповленности вмешиваться в творческий процесс. Пусть человек делает так, как он считает нужным, и если он встречает на своем пути преграды не художественного свойства, мы должны всячески защищать его,

потому что мы — союз. Вот к этому в конце концов сводятся все наши творческие проблемы, которыми должна заниматься независимо от московского союза конфликтная комиссия. Наша, своя.

— А что, кто-нибудь конкретно нуждается сейчас в подобной защите?

— Да, Арон Каневский и его картина «Роковое письмо». Дело в том, что в последнее время у чиновников появился новый способ вмешательства — приняв фильм, не пустить его в прокат или в эфир. Оставшись один, режиссер проиграет в подобных ситуациях. Союз обязан действовать очень твердо, вплоть до самых решительных мер.

— Каких, например?

— Рассказать, например, что мы не оставим своего товарища в беде и просто сами прекратим свою деятельность, пока его вопрос не решится. Разумеется, я говорю о произведениях художественно убедительных — было бы безумием защищать вообще все, положив на это оставшуюся жизнь.

— Понятно. Что еще входит в вашу программу?

— Обеспечение социальной защищенности членов союза. В этом смысле самый больной вопрос с жильем — мы собираемся этим заниматься в первую

очередь. Ведь какой минимум нужен художнику? Место, где он работает, и защита того, что он сделал. Обеспечить этот минимум — главное.

— А что еще?

— Необходимо поднять уровень отношений к нам местных властей. Можно, конечно, обратиться к киностудиям как к рядовому производству, но это не совсем правильно. Если уж записано в уставе, что каждый из членов союза принят в него за выдающиеся достижения в области кинематографии, то есть резон относиться и к их авторам как к людям выдающимся.

Еще. Никто не сомневается в том, что нужно как можно скорее и как можно активнее налаживать международные связи, — значит, мы будем совершать в эту сторону какие-то шаги.

Также очевидно, что перед союзом сейчас стоит задача резкого омоложения — средний возраст членов ЛО СК 59,3 года. Наши кандидаты, кстати, с июля будут получать по 25 рублей прибавки к пенсии, а со следующего года будем доплачивать разницу с последним окладом. Нужно принимать молодых кинематографистов — конечно, не всех и каждого, а тех, кто этого заслуживает. И происходить это будет не че-

рез Москву, как раньше, а на месте.

— Если Ленинградское отделение переведут на статус республиканского?

— В любом случае. На том стоим. Нам нужны молодые талантливые люди, и чем моложе, тем лучше. Ведь на «Ленфильме» сейчас просто не хватает режиссеров, а где их взять? Я думаю, что ЛГИТМиК должен выпускать не только театральные, но и кинорежиссеров, или нужно создать Высшие режиссерские курсы на студии. Мастеров, слава богу, у нас достаточно.

— Изменяются ли условия приема?

— Мамин снял всего 1 картину — и принят, и ни у кого это не вызывает удивления. Значит, заслужил, если принял. Это дело союза. В принципе, лозунг «что пожелаем, то и сделаем» не так уж плох, если перевести его в лозунг союза кинематографистов. Мы должны делать то, что считаем нужным! Конечно, без лишнего экстремизма...

— Судя по тому, что вы собираетесь бастовать в защиту своих коллег, вы, Владимир Владимирович, склонны как раз к экстремизму — во всяком случае, по сравнению со своими предшественниками.

— Знаете, когда все идет хорошо, само собой, лучше всего ничего не делать — экстремальные меры я предусматриваю только в тех случаях, когда мы будем поняты превратно или не поняты совсем. Бороться с трудностями по мере их поступления — вот, если хотите, моя программа.

— Вы оказались просто тем самым социально активным героем, которого все так искали во время застоя. Где же вы раньше были?

— Очевидно, дело в том, что раньше какие-то качества, которые во мне есть, оставались невостребованными.

— А они, эти качества, были всегда?

— Конечно.

— Вы, вообще, довольны своей жизнью?

— Тем, что я делаю — почти. Последнее время мне это начинает нравиться. По крайней мере я знаю, что каждый мой следующий фильм лучше предыдущего. Что касается условий существования, то я ими крайне недоволен. Собственно, как и все мои товарищи.

— Намерены ли вы воспользоваться новым общественным положением, чтобы изменить условия своего существования?

— Намерен, как и условия всех моих товарищей. Но ничего просить и никуда проситься не буду.

— И все же что заставило вас взваливать на себя такой груз забот помимо собственной режиссерской деятельности?

— Да просто оглянулся вокруг, и душа моя — как там?

— страданиями человеческими уязвлена стала. Мне показалось, что я смогу быть полезным моим товарищам. Зачем же это не использовать? Надо.

— А вам нравится быть тем единственным, кто все может?

— Да. Но совсем не то, что вот я, вот горька, и на ней стою, и все аплодируют. А я раскланиваюсь. Мне нравится, что я могу помогать — комплекс отца.

— Вы будете лучшим председателем, чем Герман?

— Думаю, что ему было бы проще во всем — возможно, всем и было бы от этого лучше. Значит, я должен компенсировать то, чего у меня нет, — известность и авторитет — большей энергией.

— А что вы считаете своей сильной стороной?

— Умение принять решение без боязни.

— Вы ничего не боятесь?

— Кроме смерти — ничего. Ничего со мной никто сделать не может. Наверное, в тридцать седьмом году я вел бы себя по-другому, потому что могли расстрелять. А теперь — если в крайнем случае, перекроют кислород в режиссерской деятельности — могу и чем-нибудь другим заняться.

— Надеюсь, что этого с вами не случится.

— Да, я, собственно говоря, тоже...

О. БУДАШЕВСКАЯ,
(по материалам многотиражной газеты «Кадр»).